

1. Ленин, В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 1.
2. Марзалюк, И. А хто там ідзе? / И. Марзалюк // СБ. Беларусь сегодня. – 2016. – 20 сент.
3. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века / Хрестоматия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
4. Declaration of the Rights of Man and of the Citizen (1789–1791) // UNESCO Memory of the World Programme. – New York, 2003.

УДК 94«194/1918»(476):314

Н.Е. СЕМЕНЧИК

Беларусь, Минск, БГТУ

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ К ВОЙНЕ (1914–1918 гг.)

Тема жизнедеятельности населения Беларуси в период Первой мировой войны частично рассматривалась в трудах отечественных, в своей массе партийных историков, главным образом в контексте назревания революции и борьбы большевиков за советскую власть, а отношение местных жителей к войне оценивалось с опорой на принцип партийности и классовый подход. Только в начале нового века было положено начало научному освещению проблемы [13; 14; 3, с. 434–460].

Для дальнейшего изучения и более детального ее рассмотрения целесообразно разделить изучаемый период на три этапа: с начала войны и 1914 г. и до конца февраля 1917 гг., с марта по октябрь 1917 г. и с конца октября 1917 по декабрь 1918 гг.. В центре каждого из этапов войны – жители Беларуси, находившейся в составе России от времен империи до Западной области РСФСР.

Как известно, Беларусь встретила войну в составе Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний, объединенных названием «Западный край», реже – «Северо-Западный край» и изредка – «Белоруссия». По образному выражению местной газеты, проживавшие здесь национальности «омывались десятиллионным белорусским морем» [8]. По большому счету, белорусское население не выделялось царизмом в отдельную национальную единицу и имело равный с «великороссами» статус. Русские доминировали среди администрации, военнослужащих, чиновничества, работников образования и являлись опорой самодержавия на местах.

Примерно десятую часть населения Беларуси составляли евреи, которые проживали в городах и местечках не далее отведенной им «черты оседлости». Несмотря на представительство в городских и земских (за исключением Виленской и Гродненской губерний) самоуправлениях и даже в Государственной думе, евреи вне зависимости от их социального статуса и имущественного положения ощущали духовно-моральную и политическую дискриминацию со стороны местной администрации и черносотенных организаций.

Основная часть белорусских поляков проживала в Виленской и Гродненской губерниях. К 1 января 1913 г. в Минской губернии насчитывалось 41 тыс. поляков и 2 млн 300 тыс. белорусов. На 1 января 1916 г. в Дриссенском, Полоцком и Витебском уездах проживало по 20 тыс., Лепельском – 10 тыс., а в Городокском только 840 лиц католического вероисповедания [5].

Взаимоотношения поляков с царизмом были противоречивыми. С одной стороны, они имели избирательные права и места депутатов в Государственной Думе. Польское представительство в городских и земских самоуправлениях иногда преобладало еврейское и даже русское (Несвиж, Игумен). Но Россия так и не стала новой Родиной для польской шляхты. По словам графа Бржостовского, он и его соседи-поляки чувствовали себя «всегда гражданами второго сорта» [13, с. 10].

Такое же положение наблюдалось и в религиозной сфере, за тем только исключением, что преобладавшая по числу adeptов православная церковь находилась в нескрываемой оппозиции к костелу.

Основная часть белорусского населения – крестьяне – занималась сельским хозяйством. Доля белорусов среди рабочих была незначительной, за исключением железнодорожников.

Крупные земельные владения принадлежали русским и польским помещикам. В Могилевской и Витебской губерниях имелись хуторские владения, принадлежавшие латышам.

Большая часть жителей городов и местечек состояла из евреев, которые занимались ремеслом, кустарничеством, работали на заводах и фабриках. Евреи доминировали в торговле, банковском деле, медицине, свободных профессиях.

Господствовавшая в жизни местного общества русская культура (государственная система образования, театр, книжное издательство, средства массовой информации и др.) оставляла место для развития польской, еврейской и белорусской субкультур. На фоне почти полной безграмотности крестьян жители городов и местечек имели возможность получить среднее либо начальное образование.

Несмотря на наличие у имущей части населения избирательных прав, польское и еврейское представительство от Западного края как в Государственной Думе, так и в органах местного самоуправления значительно уступало русскому.

С начала 1914 г. в центре внимания местных средств массовой информации заседания Государственной Думы, антиалкогольная кампания, династические новости и др. Весть о вступлении России в войну воспринималась разными слоями населения Беларуси по-разному, в зависимости от их социальной, национальной, профессиональной, религиозной, гендерной принадлежности, а также от уровня образования, жизненного опыта, политического мировоззрения, гражданско-патриотического самосознания и других обстоятельств. Тем не менее реакция жителей Беларуси на публикацию «Высочайшего Манифеста» о начале войны России с Германией и соответствующие распоряжения Главных начальников Двинского и Минского военных округов, а также Главнокомандующего Северо-Западным фронтом о

переводе губерний Западного края на военное положение свидетельствовали о благотворных для царизма результатах многолетней «окраинной» политики. В частности, военнообязанные с энтузиазмом откликнулись на приказы военных начальников о мобилизации. В городах и местечках были организованы верноподданнические акции населения. Так, 30 июля 1914 г. участники манифестации, проведенной в местечке Шклов, прошли от синагоги к волостному правлению, затем к православному храму, костелу, снова к синагоге и волостному правлению [6].

Тогда же многолюдное собрание польских помещиков Минской губернии приняло постановление молить «Всевышнего о ниспослании победы русскому воинству в борьбе с исконным врагом польским, долженствующей послужить к окончательному объединению всего славянства и процветанию отдельных славянских народов» 1 августа 1914 г. Верховный Главнокомандующий Н.Н. Романов в воззвании «К полякам» пообещал им, помимо прочего, возможность воссоединения «растерзанного на куски тела Польши» под скипетром Русского Царя [16].

Оповещение крестьян происходило на волостных сходах, торжественно, со служением молебнов «о здравии и благоденствии Его Императорского Величества и Августейшей Семьи и о даровании славной победы Российскому воинству». При этом крестьяне принимали постановления о пожертвовании денежных сумм из волостных средств на военные нужды, а также в пользу семей запасных нижних чинов и ратников ополчений. Кампания сбора пожертвований охватила все земства с участием общественных организаций и отдельных лиц.

Экспессы, связанные с пьяными буйствами мобилизованных и разгромами ими помещичьих усадеб во многих уездах Беларуси, не имели протестного (антивоенного) содержания и не относились к характерным явлениям начального этапа войны [3, с. 435]. Напротив, все слои населения – горожане и селяне, богатые и бедные, простые и знатные – дружно откликнулись на призыв царя дать отпор Германии. Идея единения народа с царем присутствовала и в церковных проповедях, воззваниях воинских и гражданских начальников, средствах массовой информации и т.д.

Важным фактором успешного взаимодействия фронта и тыла на начальном этапе войны являлась высокая степень законопослушания местного населения, что нашло отражение в должном выполнении им мобилизационной и трудовой повинности, а также в поддержании порядка в тылу действующей армии. Оставление русской армией Царства Польского, Ковенской, Виленской и Гродненской губерний, беспорядочная эвакуация, потоки беженцев и иные, сопряженные с этими явлениями факторы, ухудшили морально-политическое положение на фронтах и в стране и обусловили появление среди населения негативных слухов и толков, объяснявших военные неудачи деятельностью шпионов, последствиями измены, прогерманскими настроениями двора и т.д.

Таким образом, в новых условиях цели войны для России становились более прагматичными. В 1915 г. русско-германский фронт в Беларуси стабилизировался по линии Двинск – Полоцк – Постава – Вилейка – Несвиж –

Пинск. 6 сентября того же года Николай II, руководствуясь «соображениями государственной пользы», принял на себя верховное командование действующей армией, чтобы «вместе с нею отстоять от покушений врага Русскую Землю» [11, с. 213]. К этому времени в городах и местечках развернули свою деятельность многочисленные учреждения общественных организаций Всероссийского земского союза (ВЗС), Всероссийского союза городов (ВСГ), Военно-промышленного комитета (ВПК) – госпитали, мастерские, гаражи, предприятия по изготовлению обмундирования, банно-прачечные отряды и др. Кадры для них прибывали из внутренних губерний России.

Новым явлением местной жизни стало размещение в городах и местечках беженцев из Польши, Прибалтики, западных губерний Украины и Беларуси. Здесь осело до 0,5 млн человек. Эти люди, утратившие свои жилища и имущество, терпевшие многочисленные лишения, страстно желали скорейшего окончания войны. В 1915 г. общее число жителей не занятых германскими войсками белорусских земель составляло около 6 млн, из которых 13,8 % проживали в городах [13, с. 5].

Следует отметить, что часть не критически мыслящего русского общества в числе причин поражений своей армии считала подрывную деятельность евреев. Не случайно в начале января 1917 г. «последовало распоряжение, чтобы все лица иудейского вероисповедания, находящиеся на службе в Союзе городов и Земском Союзе, за исключением врачей и фельдшеров, были заменены лицами других вероисповеданий» [13, с. 9]. Характерно, что еврей-военнослужащие так же, как и солдаты иных национальностей, проливали кровь в боях с врагом, но не могли получить офицерское звание. В это же время в тылу по приказу командования здания их синагог занимались под казармы [10]. Тем не менее, даже в условиях очевидной национальной дискриминации евреи вместе со всеми стойко несли тяготы военного времени.

Лояльность поляков всегда волновала представителей царского режима. В годы войны внимание царизма к «польскому вопросу» особенно возросло, когда Вильгельм II дал возможность их представителям создать в Варшаве собственный правительственный орган. Со своей стороны Николай II выступил с обещанием «образования свободной Польши» после победоносного окончания войны и разрешил создание отдельных польских частей из добровольцев [13, с. 191]. Однако православное духовенство, невзирая на политическую конъюнктуру, боролось с «римско-католической пропагандой» среди белорусских крестьян [4].

В свою очередь царская пропаганда базировалась на идеологических скрепах «симодержавие – православие – народность», которые в условиях войны уплотнились в лозунге «За царя, веру и отечество». Как и повсеместно, в Беларуси соответствующая идеологическая обработка населения осуществлялась через подчиненные Синоду религиозные заведения, органы печати, через систему просвещения, уставы благотворительных организаций, процедуры собраний обществственности или заседания государственных служащих и т.д.

Этой же идеей была проникнута вся местная пресса: официальная, военная, общественная, конфессиональная, частная и иная. После потери Россией своих

западных земель ее война против Германии и Австро-Венгрии стала подаваться как Вторая или Великая Отечественная [13, с. 8]. В 1916 г. настрой жителей на скорую победу стали чередоваться с ожиданием «почетного мира». В любом случае даже городское население Беларуси, в той или иной степени интересовавшееся политикой, не разделяло лозунгов крайних левых партийных течений о поражении России в войне. В отличие от солдат, которые выходили из повиновения командирам, дезертировали и даже сдавались в плен, трудящиеся массы, служащие и интеллигенция, все жители терпеливо выполняли законы военного времени и свой гражданский долг. Жизненный оптимизм местного населения был настолько высок, что беженцы, поддерживавшие с ним связь, стали возвращаться и прифронтовую Беларусь. Так, 25 февраля 1917 г. минское губернское земское собрание рассматривало проект об эвакуации 10 тыс. беженцев, а на адрес губернатора поступали тысячи ходатайств о возвращении домой [7, л. 9].

Вооруженное восстание в Петрограде 27 февраля 1917 г. вызвало, помимо прочего, обеспокоенность политической элиты опасностью его распространения на действующую армию. Под давлением лидеров Государственной думы и высшего генералитета монарх отрекся от престола в надежде успокоить «внутренние народные волнения» перед необходимостью доведения войны до победного конца [15, с. 18]. Временное правительство также выразило намерение продолжать войну в составе Антанты. Военнослужащие приняли присягу Временному правительству и тем самым встали на сторону революции. Население Беларуси совместно с военнослужащими гарнизонов также высказалось в поддержку нового правительства, его внутренней и внешней политики. 7 марта на собрании общественности Минска было заявлено, что «в отношении войны нашим лозунгом должно быть полная победа над внешним врагом» [15, с. 19]. Этот же лозунг звучал на многочисленных собраниях крестьян, созданных земскими начальниками и общественными деятелями, с вынесением «приговоров» и резолюций о бесперебойном снабжении фронта продовольствием и фуражом. 27 марта на заседании БНК были заслушаны доклады с мест о настроениях крестьянства. Как сообщалось в прессе, «констатирован всеобщий патриотический порыв и желание помочь армии в ее борьбе с врагом» [5].

Диссонансом в общем хоре голосов за войну до победы прозвучало обращение Петроградского Совета от 14 марта к народам мира с призывом к прекращению войны. С этого времени в общественное мнение стала внедряться идея умеренных социалистов о том, что участие России в войне должно носить оборонческий характер в целях защиты революции и будет осуществляться до времени заключения демократического, без аннексий и контрибуций, мира [15, с. 21]. Часть революционной демократии полагало, что такой мир мог быть достигнут через созыв международной социалистической конференции воевавших держав. Идея сепаратного мира России с Германией, как и призывы большевиков к немедленному окончанию войны, воспринимались отрицательно.

По мнению большинства, упрочение нового строя зависело от боевых успехов русской армии. Ее победа в войне давала полякам гарантированную

Временным правительством и Петроградским Советом перспективу возрождения независимой Польши. В этой связи все слои польского населения активизировали свои усилия для самоорганизации и помощи частям Польского корпуса под командованием генерала И. Довбор-Мусницкого.

Еврейское население и военнослужащие, актами революционного правительства избавившееся от национальной дискриминации, также оказывали опутимую поддержку Временному правительству, в том числе его внешнеполитическому курсу. Местная еврейская интеллигенция и рабочий класс исполнили конституировавшиеся партийные (РСДРП, Бунд, ПС-Р, ЕСДРП, ОЦСРП и др.), общественно-политические (Советы рабочих депутатов) и профессиональные организации, тем самым возглавили революционное опорничество всего Западного края. К ним можно добавить и организации сельских трудящихся – Крестьянский союз и Советы крестьянских депутатов.

В русле революционного оборончества развивались также белорусские партии – БСГ и БНПС. Только конституционные демократы (ПНС), трудовики, народные социалисты, а также правые эсеры и меньшевики придерживались лозунга «война до победы», но это не мешало общему делу – консолидации общества в вопросе отношения к войне.

В результате общими усилиями правительства и его органов на местах, а также партий и общественных организаций, в стране с успехом была проведена подписка на военный «Заем Свободы». Характерно, что в числе самых активных подписчиков были крестьяне Беларуси. Они же активно жертвовали продукты и деньги в пользу фронтовиков, а также способствовали борьбе с дезертирами.

По сути, в марте – июне 1917 г. население страны ожидало от своей армии решающих побед и по мере своих возможностей способствовало ей в этом. Со своей стороны столичные лидеры «революционной демократии» вместо мобилизации фронта и тыла на решающий удар по врагу превратили подготовку летнего наступления в предмет всероссийской дискуссии. Отметим, что на митингах, которые прошли в городах Беларуси 18 июня, все участники (за исключением большевиков) высказались за военный путь к достижению мира. Характерно, что, по сообщению газеты, «в последнее время в надежде на близкое окончание войны в Минской губернии массами возвращаются беженцы, эвакуированные в 1915 г. из Пинского и Новогрудского уездов и смежных уездов Виленской, Гродненской и других губерний» [9].

Когда же наступление русских армий Юго-Западного и Западного фронтов окончилось неудачей, то это поражение в очередной раз использовали левые силы, чтобы бросить тень на Временное правительство, якобы продолжавшее царскую империалистическую политику и «империалистическую бойню». В результате подобной пропаганды лозунг революционного оборончества терял своих сторонников как среди солдат, так и среди сознательных трудящихся. В начале сентября большевики стали связывать возможность прекращения войны только со свержением Временного правительства и передачей власти Советам. В городах Беларуси эти разговоры только вселяли тревогу на «еврейской улице». Основными возмутителями спокойствия в тылу становились именно солдаты.

Следствием же разрушительной анархо-большевистской пропаганды стало резкое падение дисциплины в армии. После подавления выступления генерала Л. Корнилова действия командиров по упрочению дисциплины стали отождествляться с контрреволюцией. С наступлением осени солдаты все чаще стали требовать мира. Исключение составляли национальные формирования украинцев, латышей и поляков, которые видели свое предназначение в службе собственным будущим государствам. В октябре 1917 г. сформированные собственные воинские части озаботились белорусские национальные организации.

В связи с ухудшением снабжения белорусских губерний товарами первой необходимости местные крестьяне стали чаще отказывать армейским интендантам в продаже продовольствия и фуража. Положение усугублялось провалом «хлебной монополии» Временного правительства, когда те же крестьяне не выполняли распоряжений продовольственных комитетов и укрывали хлеб, чтобы распорядиться им по своему усмотрению. Приоритеты личной выгоды обусловили занятие крестьянами самогонварением. По сообщению газеты, в октябре Минская губерния «превратилась в один колоссальный винокуренный завод, снабжающий водкой-самогонкой фронт» [1].

Таким образом, после Февральской революции обретение гражданами бывшей империи (а с 1 сентября – республики) демократических свобод, способы выражения отношения жителей Беларуси к происходящим событиям стали более отчетливыми. Но и теперь, когда право выразителей народных интересов взяли на себя партии и организации, отношение основной массы населения к войне не приобрело политического контекста. Рабочие военных предприятий по-прежнему придерживались действовавшего законодательства о запрете забастовок, а крестьяне поставляли необходимые продукты до времени, когда само правительство не стало нарушать порядок о «твердых ценах». Характерно, что за весь послефевральский период в Беларуси не произошло ни одного антиправительственного выступления. Местные хлебоборбы выполняли все возложенные на них обязательства по отношению к армии до тех пор, пока она подчинялась командованию и выполняла свойственные ей функции. По мере усиления анархических процессов среди еврейского населения возросли опасения на предмет возникновения погромов.

Падение авторитета Временного правительства вкупе с кризисом революционной демократии усилил самостоятельную, в рамках собственной диаспоры, деятельность польского населения, имея в виду восстановление национальной государственности. В отличие от русских войск, падению дисциплины в I Польском корпусе не наблюдалось.

К началу октября 1917 г. лозунг революционного оборончества полностью себя дискредитировал. По мнению большинства революционной демократии, война могла быть закончена только посредством Учредительного собрания.

Еще 17 сентября 1917 г. провинциальная газета «Мстиславский голос» написала, что если победят «ленинцы», то последует «наступление кровопролитной гражданской войны, разрыв с союзниками, сепаратный мир с

Германией и конец России как великой европейской державы». Так оно впоследствии и случилось...

Следует отметить, что декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов «О мире» не вызвал у жителей Беларуси заметной реакции, как, впрочем, и рабоче-крестьянская революция, «о необходимости которой все время говорили большевики». Обращение ленинского СНК ко всем воюющим странам, и в первую очередь Англии, Франции и Германии, начать переговоры о заключении демократического мира в конце концов привело к возникновению в России новой, гражданской войны, в том числе и в Беларуси. С этого времени все внимание общественности переключилось с внешнего фронта на внутренний. Первыми жертвами революции стали профессиональные военнослужащие – генералы и офицеры. Затем, когда фронтовики схлынули в тыл, их число пополнили жители еврейских кварталов, частей I Польского корпуса и польская элита, обвиненная в контрреволюции, и, наконец, вся революционная демократия [14].

К слову сказать, местное население не проявляло активности в установлении советской власти», «ликвидации контрреволюции», формировании частей Красной Армии. В полной мере оно так и не ощутило подлинного мира, ни «ничетного», который ему обещал царь-батюшка, ни демократического по-эсеро-меньшевистски, ни «похабного» по-большевистски. По словам В. Чернова, с риториком Учредительного собрания надежда на мир, «не шкурницкий, не сепаратный, а всеобщий демократический мир» исчезла [17, с. 21].

Но и «шкурницкий, и сепаратный» мир, коим стал договор от 3 марта 1918 г. в Бресте, не остановил гражданской войны. Ее в полной мере ощутили на себе жители Западной области (Коммуны) РСФСР в ноябре 1918 г. [12] и даже после полной капитуляции Германии перед бывшими союзниками России по Антанте.

1. Бобруйс. курьер. – 1917. – 12 окт.
2. Витеб. вестн. – 1916. – 12 окт.
3. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Ліксперспектыва, 2005. – 519 с.
4. Минские епарх. ведомости. – 1917. – 1 февр.
5. Минский голос. – 1917. – 31 марта.
6. Могилев. вестн. – 1914. – 5 авг.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1265. Оп. 1. Д. 6.
8. Наше утро. – 1912. – 17 июня.
9. Новое варшав. утро. – 1917. – 25 июня.
10. Оршан. вестн. – 1917. – 21 янв.
11. Палеолог, М. Царская Россия во время мировой войны : пер. с фр. / М. Палеолог. – 2-е изд. – М. : Междунар. отношения, 1991. – 240 с.
12. Сяменчык, М. Я. Аб напрамках агітацыйна-прапагандыскай работы більшавікоў Заходняй вобласці ў 1918 г. / М. Я. Сяменчык // Труды БГТУ. Сер. V, Політологія, філосафія, історыя, філалогія. – Мінск, 2006. – Вып. XIV. – С. 84–88.
13. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) : у 2 ч. /

М. Я. Сяменчык. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 2001. – Ч. 1 : Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.

14. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) : у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 2001. – Ч. 2 : Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складання таталітарнага рэжыму. – 160 с.

15. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё ў Мінску (сакавік кастрычнік 1917 г.) / М. Я. Сяменчык. – Мінск, 1994. – 112 с.

16. Телеграммы “Могилевского вестника”. – 1914. – 31 июля.

17. Чернов, В. М. Перед бурей. Воспоминания / В. М. Чернов. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. – 413 с.

УДК 008.001

В.С. МІСЮК

Білорусь, Бересть, УНПС «Берегіня»

ЭТНОЛІНГВІСТИЧНІ ГРУПИ ЗАХІДНОГО ПОЛІССЯ

Одною з актуальных проблем сучасной науки є дослідження етнолінгвістичних груп Західного Полісся. Місцева регіональна культура до недавнього виділялася багатим фольклором, зберігала багато архаїчних рис і форм натурального господарства, але за останні сто років ситуація значно змінилася. Під впливом інтенсивних процесів індустріалізації, урбанізації, поширення масової культури і подібних явищ окремі норми традиційної культури трансформувалися, зменшили свій вплив і, частково, зникли.

При досить багатій літературі про історію і культуру Західного Полісся етнолінгвістична типологія регіональної культури лишається слабо розробленою. У працях дослідника західнополіського діалекту, мовознавця Григорія Аркушніна багато згадок різних етніконів і пов'язаного з ними польового матеріалу, але етнолінгвістичні групи не були окремим предметом його досліджень. Локальні етнічні групи Західного Полісся і етнічна самосвідомість населення регіону досліджувалися етносціологом Юзефом Обрембським, діалектологом Федором Климчуком. Нажаль, в праці першого з них географічні межі локальних груп визначені тільки частково, оскільки він зосередився на дослідженні культури жителів воловожених територій [28]. Другий дослідник звернув увагу перш за все на етнікон, які об'єднують носіїв західнополіських говірок [15; 16]. Хоча праці цих вчених основне джерело цієї статті, по-за їх увагою лишився внутрішній поділ більшої частини регіону. В комплексному фольклорно-етнографічному дослідженні «Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Брэсцкае Палессе» локальні етнографічні групи згадані двічі: в короткій інформації про діяльність Юзефа Обрембського [21, с. 15] і як копія [21, с. 11] одного з попередніх текстів авторки статті У. Цітова [22, с. 287]. У енциклопедичних виданнях інформація про локальні етнічні групи дуже обмежена. В Енциклопедії етнографії Білорусі згадані три західнополіських етнолінгвістичних групи (гетаки, гідуні, сакуни) [23, с. 378]. В Енциклопедії українознавства, в статтях присвячених Поліссю і Підляшшю,